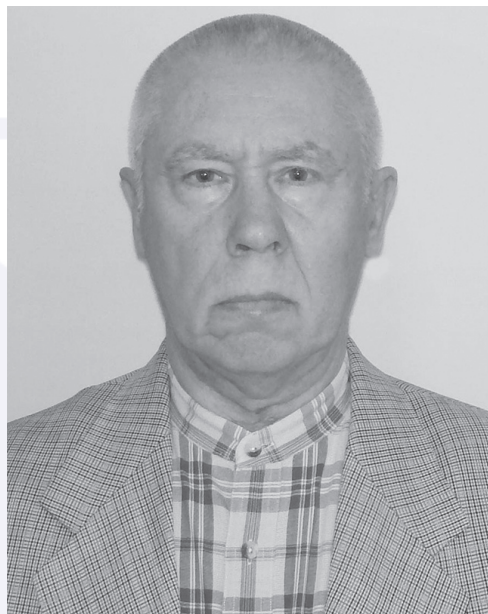

УДК 351.85: 330.87: 351.862.4:
316.422.44: 330.839

Юшин Сергей Александрович,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник, НИЦ “Ин-
ститут аграрной экономики”.

Юшин Сергій Олександрович,
доктор економічних наук, професор, го-
ловний науковий співробітник, ННЦ “Ин-
ститут аграрної економіки”.

Sergey Aleksandrovich Yushin,
Doctor of economic sciences, professor, a
main research worker, NSC is “Institute of
agrarian economy”.

АРХЕТИПЫ ОСНОВНЫХ ИНСТИНКТОВ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ПРЕОДОЛЕНИИ ИМИ ПРЕПЯТСТВИЙ НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ В НОВОЕ КАЧЕСТВО МЕЖДУ СКИЛЛОЙ ОРТОДОКСАЛЬНОСТИ И ХАРИБДОЙ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ

Аннотация. Ускорение темпов изменений внутренних и внешних условий выживания человека, общества и государства требует от них своевременного реагирования на эти изменения, осмысления позитивных и негативных последствий от них, принятия конструктивных решений по нейтрализации негативных последствий и укреплению последствий позитивных. Каноны религий и доктрины философов, подтвержденные исследованиями современных психологов и социологов, дают неоспоримые свидетельства того, что преодоление субъектом препятствий на пути его становления в новое качество обусловлено правильной диспозицией между ортодоксальными и парадоксальными принципами деятельности. Борьба нового со старым — ключевой архетип основных инстинктов в живых организмах.

Ключевые слова: архетип, инстинкт, человек, общество, государство, качество, ортодоксальное, парадоксальное.

АРХЕТИПИ ОСНОВНИХ ІНСТИНКТИВ ЛЮДИНИ, СУСПІЛЬСТВА І ДЕРЖАВИ У ПОДОЛАННІ НИМИ ПЕРЕШКОД НА ШЛЯХУ СТАНОВЛЕННЯ В НОВУ ЯКІСТЬ МІЖ СКІЛЛОЮ ОРТОДОКСАЛЬНОСТІ ТА ХАРИБДОЮ ПАРАДОКСАЛЬНОСТІ

Анотація. Прискорення темпів змін внутрішніх та зовнішніх умов виживання людини, суспільства і держави вимагає від них своєчасного реагування на ці зміни, осмислення позитивних і негативних наслідків від них, прийняття конструктивних рішень щодо нейтралізації негативних наслідків і зміцнення наслідків позитивних. Канони релігій і доктрини філософів, підтвержені дослідженнями сучасних психологів і соціологів, дають незаперечні свідчення того, що подолання суб'єктом перешкод на шляху його становлення в нову якість зумовлено правильною диспозицією між ортодоксальними і парадоксальними принципами діяльності. Боротьба нового зі старим — ключовий архетип основних інстинктів в живих організмах.

Ключові слова: архетип, інстинкт, людина, суспільство, держава, якість, ортодоксальне, парадоксальне.

ARKHETIPS OF BASIC INSTINCTS OF MAN, SOCIETIES AND STATES IN OVERCOMING BY THEM OBSTACLES ON THE WAY OF BECOMING IN NEW QUALITY BETWEEN SCYLL OF ORTHODOXY AND KHARIBD OF PARADOXICALITY

Abstract. The acceleration of rates of changes of internal and external terms of survival of man, society and state requires the timely reacting on these changes, comprehension of positive and negative consequences from them, acceptance of structural decisions on neutralization of negative consequences and strengthening of consequences positive. The canons of religions and doctrines of philosophers, confirmed by researches of modern psychologists and sociologists, give undeniable certificates that overcoming by the subject of obstacles on the way of his becoming in new quality it contingently correct disposition between Orthodox and paradoxical principles of activity. Fight new with old is key arkhetip of basic instincts in living organisms.

Keywords: arkhetip, instinct, man, society, state, quality, orthodox, paradoxical.

Постановка проблеми. Только что закончившаяся очередная украинская “премьериада”, протекавшая на фоне обвинений А. П. Яценюка как в кризисе, так и в отсутствии реформ, привела на должность премьер-ра В. Б. Гройсмана, который заявил:

“Я вам покажу, что такое управление государством!”. Ну, во-первых, в ст. 42 Закона Украины “О Кабинете Министров Украины” (№ 794) отсутствует функция “управление государством”. А во-вторых, что такое “управление государством” — это

прерогатива преподавателей и теоретиков, но никак не государственных служащих, которые должны элементарно выполнять свои прямые обязанности, прежде всего заботясь не о вхождении в учебники в качестве примера Великого Реформатора, а о неукоснительном соблюдении Великого Принципа бюрократов — Принципа “Спихотехники” (перекладывания личной ответственности за свои действия или бездействия на других лиц). И здесь В. Б. Гройсман мог бы позаимствовать бесценный опыт А. П. Яценюка, который мастерски использовал недоработки Верховного Совета Украины в части реформационной политики государства. Ведь по своей функции, Кабинет Министров — это исполнительный орган, которому Законами Украины жестко предписаны стандартные полномочия и ответственность. Иначе говоря, он по своим задачам — ортодокс, который должен обеспечивать Букву Закона. Иной вопрос, Верховный Совет Украины, который имеет степень свободы в процессе воплощения иррациональных (или же парадоксальных) потенций Духа Закона в Рациональную его Букву. Первым из премьеров, который выявил эту коллизию между желанием Парламента сделать Правительственных ортодоксов “козлом отпущения” за дефицит парадоксальности (гениальности) в государственной политике и невозможностью в рамках полномочий Правительства принимать стратегические решения, был Л. Д. Кучма, который в свое время на критику его действий со стороны Парламента задал сакраментальный вопрос: “скажите, что я должен

построить?” Парламент сделал вид, что вопрос не к нему, хотя именно он формирует политику. И осталась Украина без ответа, как у Гоголя: “Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа”. А при отсутствии такого ответа, государственное реформирование переходит на “метод проб и ошибок”.

К чести Л. Д. Кучмы, он не ограничился исключительно “вопросами” к Парламенту, а сделал шаги в направлении осмысления причин сложившейся в Украине ситуации. Во-первых, он признал факт того, что на начальном этапе реформ отсутствовало любое их обоснование, не было даже приблизительного представления о том, как и в какой последовательности их осуществлять, что обусловило прыжок в рыночную экономику на основе определенного набора мифов. Во-вторых, в качестве важнейшего фактора, тормозившего реформы, он выделил особенности национальной самоидентификации и психологи (мы и до сих пор не поняли окончательно, кто же мы такие, а потому большинство или значительная часть украинцев где-то на подсознательном уровне постоянно готовы к чуду и уверены: в этом мире возможно все) [1, с. 23, 86, 159, 161].

Далее Л. Д. Кучма решает вопрос: возможны ли реформы в периоды кризисов? И дает ответ: в первую очередь мы должны твердо исходить из того, что кризис наносит вред, и разрушает старое, неэффективное, освобождает место для нового, в этой его функции — возможность и необходимость реформ, которые могли бы более конструктивно направить производительную функцию на кри-

зис (кризис — это то время, когда не действовать — такой же риск, как и действовать; так, может, следует действовать?). Но если не обеспечить, чтобы в государстве было выгодно заниматься не рентным бизнесом, а инновационным, то кризисная ситуация может трансформироваться в катастрофическую; и это усугубляется несоответствием реальной политической системы и аппарата управления в Украине требованиям инновационного развития, и неизвестно, кто и как это может осуществить не на словах, а на деле? и выйдет ли что-то путевое в результате? Ведь все упирается в материал, который характеризуется огромной сопротивляемостью, — человеческий “сопромат”, преодолеть который труднее всего (Украинская история — это история внегосударственной нации; утверждение идеологии государственности требует больше внимания уделять нашим добродетелям, вдохновляться ими: США благодаря этому в рекордно короткий срок — 100–150 лет — переселенцев сплотили в граждан-патриотов и утвердили государство институционально и духовно [2, с. 35–36, 159–161, 541]).

Что примечательно в изложенных выше подходах Л. Д. Кучмы к вопросу организации реформационных процессов в Украине, так это использование им при анализировании архетипического инструментария, который К. Г. Юнгом был развернут от: сущности архетипа, который благодаря способности объединять противоположности является посредником между бессознательным основанием и сознанием; эквивалентности архетипов бессознательного и религи-

озных догм (инстинктивное содержание темной, примитивной души, невидимые корни сознания: страх дикаря перед новизной и твердостью традиции); актуальности использования мифологических дискурсов; высокой вероятности катастроф в массовых истинах; сложность применения универсальной панацеи к самому себе; накопления Прометея долга (инновационного отставания), который периодически приходится выплачивать, сталкиваясь с катастрофами; психологии больших масс, которыми правит мистическая сопричастность (бессознательная самоидентификация). При этом К. Г. Юнг подчеркивает, что именно парадокс ведет к максимально верному пониманию полноты жизни и является одной из наших величайших духовных ценностей, тогда как единство мнений, отсутствие неясности и противоречий односторонне (т. е. ортодоксия) — это признак слабости и потому непригодно для выражения непостижимого [3, с. 33, 34, 461; 4, с. 92, 94, 95, 108, 261]. Иначе говоря, исследование архетипов основных инстинктов человека, общества и государства в преодолении ими препятствий на пути становления в новое качество между ортодоксальностью и парадоксальностью для реалий Украины — актуальная задача науки и практики.

Анализ последних исследований и публикаций. Аспект архетипики присутствует в целом ряде исследований, которые определяют направления трансформации личности общества и государства в новое качество. Ф. Аинса изучал пространственные архетипы утопических сис-

тем как фактор их изолированности, гарантирующей неприкосновенность предложенной модели и предотвратить зависимость от другого пространства или его воздействие [5, с. 52]. М. Марк и К. Пирсон указывают, что архетипы обеспечивают глубинную структуру для мотивации и значимости; при этом архетипы метаморфоз персонифицируют процесс поиска новых ценностей и вариантов; убирая то, что больше не служит; отдавая себя людям, ценностям, действиям и созданию новых форм; они наиболее часто проявляются в людях и в организациях в их переходные периоды [6, с. 17, 19].

Э. Афонин и А. Мартынов, исследовав социальные аспекты архетипов взаимодействия в украинском обществе, указывают на то, что в целом ответ украинской элиты на исторические вызовы, остается еще не акцентированным (размытым), так же, как неизменно размытыми остаются с 1994 г. социальные нормы украинской общественной системы; это привело к тому, что Украина с 2006 г. находится в патопсихологическом состоянии (диагноз “психоневроз отложенного действия”), что влечет неадекватное социальное поведение в обществе (обобщенные проявления такой нерелевантности в Украине — это проявления конформизма и частично садомазохизма, т. е. типов поведения, описанных во время процессов американской “большой депрессии” [7, с. 197].

По мнению Т. В. Новаченко, архетипы — это общие априорные схемы поведения, которые, унаследовавшие, содержат в себе продукты архайчной природы; они становятся

своеобразным образцом инстинктивного поведения, общей подпочвы духовной жизни, каждого из нас, имеют мифологический по своему характеру содержание, состоят из образцов, которые не имеют кровной или расовой природы наследственности, а принадлежат всему человечеству в целом, являясь хранилищем реликтовых остатков и воспоминаний о прошлом, объединяет основой, благодаря которой хранится неразрывная целостность и воспроизводится идентичность, содержат в себе такое содержание, которое не может выступать объектом произвольного намерения или быть подвластным контролю со стороны воли, могут активизироваться в большой социальной группе, порождая “коллективное безумие” (своеобразную духовную эпидемию, способную привести к революции, войне или катастрофе); т. е. архетипы — это “психический конденсат”, ставший тем неотъемлемым наследием, которое с каждым поколением нуждается только в пробуждении, а не приобретении; однако фактическая степень и механизмы влияния на человека архетипа в тех или других общественно-исторических условиях являются разными [8, с. 50–51].

Исследование фактов образования парадоксов перфекционизма, которое было проведено Т. Бен-Шахаром, указывает на то, что архетип чрезмерного стремления личности (общества) к идеалу (совершенству) порождает негативы, обусловленные невозможностью достижения максимальных стандартов (для перфекциониста наилучшая жизнь из возможных — фактически единственная

жизнь, которую он готов принять, — где нет места неудачам, а оптималист знает, что единственная возможная жизнь — это именно та, в которой неудачи неизбежны и из них надо извлекать уроки; у перфекциониста самоконтроль и саморазвитие слиты воедино, что доводит защитное поведение до крайности; он хочет всегда быть на высоте (саморазвитие) и поэтому пытается выглядеть безупречно, избегая критики (воплощение совершенства), и он, не жалея сил, убеждает других, что его представление о себе верно (самооправдание); любой ценой защита своего эго, как и собственного надуманного образа [9, с. 18, 29].

Признавая высокую теоретико-методологическую ценность проведенных отечественными и зарубежными учеными исследований различных аспектов архетипики, следует указать на то, что становится все более явной потребность в их дополнении аспектами сочетания “старого” и “нового” (ортодоксальности и парадоксальности в реформировании участников отношений хозяйственной сферы): “всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое” [Мат. 13: 52]. Такая синхроничность является одной из важных сторон архетипики. Так как сознание является продуктом бессознательного в материально-причинном мире, то трансцендентная функция — это не только функция связи бессознательного и сознания, но и связи синхроничности с причинностью. Вышеупомянутые результаты проведенного Э. Афониним и А. Мар-

тиновым диагноза состояния психики украинского населения, К. Г. Юнг объяснял тем, что в широкой зоне бессознательного, которая надежно защищена от критики и контроля сознания, мы совершенно беззащитны и открыты всем видам психического воздействия, психических инфекций; как и при опасности любого другого типа, мы можем предотвратить риск психической инфекции, если будем знать, что именно, где, когда и каким образом будет атаковать нас; Индивидуальное — единственный носитель мысли и жизни в целом, Общество и Государство берут свои качества от ментального состояния личности, но, хотя этот факт очевиден, он еще не достаточно пропитал общественное мнение, чтобы удержать людей от видения “Государства” как некоей сверхличности, наделенной неисчерпаемой мощью и ресурсами, т. е. от Государства сегодня ждут того, чего никто бы не стал ждать от Индивида; опасный уклон, ведущий вниз к массовой психологии, начинается с подобных благовидных размышлений в рамках могучих организаций, где индивид вырождается в цифру, т. к. все, что превосходит размеры конкретного человека, пробуждает в равной степени нечеловеческие силы в его бессознательном, вместо осознания, что все на самом деле может быть достигнуто в моральной природе личности одним неизмеримо малым шагом вперед [10, с. 8, 51, 57–58].

Формулирование целей статьи.

Цель статьи — исследование теоретико-методологических предпосылок дополнения архетипических подходов к поиску путей становления

Индивида, Общества и Государства в новое качество аспектами сочетания “старого” и “нового” (ортодоксальности и парадоксальности в реформировании участников отношений хозяйственной сферы на основе высоких инноваций и стандартов).

Изложение основного материала. Основой экономической деятельности является воспроизводственный процесс. Всякий человек, писал Ф. Кенэ, который не работает над восстановлением богатств, им присвоенных или потребленных, безвозвратно уничтожает то, что им потреблено [11, с. 204]. К. Маркс дополнил эту мысль, предложив бинарную схему воспроизводства (простое + расширенное) [12, с. 277]. Человеческая психология воспринимает окружающий мир через бинарные архетипы. Гесиод упоминает две различных Эриды на свете, к одной из них разумный отнесся бы с одобрением, тогда как другая достойна упреков. Платон считал, что не побуждает к исследованию то, что не вызывает одновременно противоположного ощущения [13, с. 332]. Да и Библия предлагает древо познания добра и зла, рай и ад, Бога и дьявола, Адама и Еву, т. е. ту систему базовых понятий, которые стали бинарными архетипами.

Противоположности, указывал Аристотель, суть начала существующего, противоположно только то, от чего изменения исходят как от крайнего, нет иного изменения, кроме как в противоположное и промежуточное при этом противоположное как таковое не подвержено изменению, для всякого изменения то противоположное, во что оно идет, необходимо есть предел (до бесконечности

ничто не может двигаться) [14, с. 121, 141, 301, 261; 15, с. 225].

В переводе с древне-греческого архетип (*ἀρχή* — “начало” и *τύπος* — “образец”) это начальный (исходный) образец чего-либо. Платон подчеркивал, что идеи пребывают в природе как бы в виде образцов, прочие же вещи сходны с ними и суть их подобия, а причастность вещей идеям заключается только в уподоблении им; и если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и потенции данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее, приняв его за первообраз, произведение его выйдет дурным [16, с. 412, 469].

Люди, по мнению Н. Макиавелли, обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, подражая самым достойным [17, с. 60–61]. Но здесь возникает проблема целесообразности и эффективности данного подражания. В древнем Риме говорили: “Sifueris Romae, Romanovivito more; sifuerisalibi, vivitosicutibi” (поступай в Риме так, как Римляне поступают). К. Г. Юнг предупреждал, что ошибочная идея простого внешнего *imitatio Christi* приводит к тому, что западный человек видит только частности, связан своим эго и вещами, и не подзревает о глубинных корнях всего сущего [3, с. 25–26]. Ю. Либих при-

водил пример того, что образцом для всех хозяйств в Германии являлась система полеводства, практиковавшаяся на небольшом участке земли в Меглине, поэтому костяная мука, поскольку она не имела влияния на объем урожая в Меглине, признавалась бесполезной для всех полей в Германии [18, с. 49–50]. То есть, образец таит в себе как позитивы, так и негативы для пользователя.

По мнению С. Сигеле, весь мир, включая и самых серьезных, и самых легкомысленных людей, самых старых и самых молодых, самых образованных и невежд — все обладают, хотя в различной степени, инстинктом подражания тому, что видят, слышат, знают; направление общественного мнения — в политике, как и в торговле — всегда определяется этим инстинктом [19, с. 10].

В свое время Н. М. Карамзин негативно отзывался о вытеснении местных обычаев европейскими в период правления Петра I (страсть к новым обычаям преступила границы благоразумия; государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях), и что честью и достоинством россиян сделалось подражание, т. к. юный пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел делать Россию — Голландией [20, с. 71].

В. И. Ленин признавал США передовой страной новейшего капитализма, представляющей особый интерес для изучения общественно-экономического строя современного сельского хозяйства и его эволюции (страна — во многих отношениях — образец и идеал нашей буржуазной цивилизации) [21, с. 133].

Если кто-нибудь обладает всем необходимым, чтобы добиться успеха, считал Й. Шумпетер, он проложит путь остальным, создав образец, которому они будут следовать, сначала поодиночке, затем большими массами [22, с. 282].

И. И. Лукинов считал целесообразным для условий современной Украины отобрать из мирового опыта в рамках оптимальных оценочных критериев образцы социальной “полезности”, такие модели высокоэффективного ведения хозяйства, которые могут стать органичным звеном отечественной модели рыночной экономики, адекватной мировым создающимся процессам [23, с. 13].

По мнению И. Канта, синонимом образца и архетипа служит понятие “идеала” — прообраза для полного определения своих копий, прообраза всех вещей, которые как несовершенные копии заимствуют из него материал для своей возможности и, более или менее приближаясь к нему, бесконечно далеки от того, чтобы сравняться с ним [24, с. 502, 508]. Однако Г. Гегель считал, что идеальность это есть качество бесконечности, и что лишь в пору зрелости действительности идеальное выступает наряду с реальным [25, с. 216; 26, с. 56].

С точки зрения К. Маркса, утопизм коренится именно в непонимании необходимого различия между реальной и идеальной структурой буржуазного общества и в вытекающем отсюда желании предпринять совершенно излишнее дело: реализовать теперь само идеальное выражение, которое на деле является всего лишь поверхностным изображением некоторой реальности [27, с. 196].

Синоним понятия “идеал” — это понятие “совершенство”, по отношению к достижению которого Аристотель подчеркивал, что мы ставим своей задачей исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям [28, с. 403].

Однако в адрес потенциальной возможности формирования идеальности и совершенства человеческих институтов было высказано много скептических мнений. Так, И. Кант утверждал, что невозможны два мира, которые были бы одинаково хороши, одинаково совершенны [29, с. 44]. По мнению К. Маркса, если предположить принципиальное несовершенство человека вообще, то мы относительно всех существующих человеческих учреждений заранее знаем, что все они несовершенны [30, с. 53]. В мире, доказывал А. Маршалл, где все люди были бы совершенно добродетельны, конкуренции не было бы места, но то же самое относится и к частной собственности и ко всем формам частного права; и более чем глупо игнорировать несовершенства человеческой природы [31, с. 64].

Тот факт, что и рыночная система и государственные ведомства являются несовершенными институтами, считают К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю, означает, что на практике чрезвычайно трудно определить, частный или государственный сектор может с большим успехом выполнить конкретную функцию [32, с. 687].

Л. Мизес указывал, что в совершенном состоянии человеческих

дел не может быть никакой истории, которая является летописью изменений; а т. к. сама концепция совершенства подразумевает отсутствие каких бы то ни было изменений, то и совершенное состояние может быть трансформировано только в менее совершенное состояние [33, с. 143]. Дж. Акерлоф и др. признают свободную рыночную экономику далекой от совершенства, однако считают, что в спокойные времена в нее не обязательно активно вмешиваться [34, с. 14].

“Познай самого себя”, — так было начертано на древних храмах. Иными словами, проблема самоидентификации, о которой выше упоминал Л. Д. Кучма, является важнейшей для любого социума. Вспомним, что Ю. Андропов в июне 1983 г. на Пленуме ЦК КПСС признавался, что “мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические, поэтому порой вынуждены действовать эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок”. Что же, еще Аристотель отмечал, что в суждении же о своих собственных делах едва ли не большинство людей — плохие судьи [28, с. 459].

При адекватной самоидентификации, утверждал Лао-цзы, формируются предпосылки к тому, что (управляя с помощью внутреннего внешним) сотни дел будут устроены, а в ином случае сердце опустошено, как будто что-то потеряло. Отчего? Оттого что не с помощью внутреннего услаждают внешнее, а с помощью внешнего услаждают внутреннее;

оставили прибежище внутреннего и внешнего, и суетятся, будучи не в состоянии обрести должное, в покое и движении найти середину; все оттого, что форма и разум утратили друг друга. Поэтому у того, кто делает разум господином, форма идет следом, и в этом польза; кто делает форму управителем, у того разум идет следом, и в этом вред. Жадные, алчные люди слепо стремятся к власти и наживе, страстно домогаются славы и почестей. Рвутся вперед, дабы превзойти других в хитроумии, водрузиться над будущими поколениями. Но разум каждый день истощается и уходит далеко, долго блуждает и не возвращается. Форма, оказывается, закрыта, сердцевина отступает, и разум не может войти. Вот причина утраты самого себя в слепоте и безрассудстве [35, с. 91, 94, 101–102].

По мнению Ф. Бэкона, люди не знают вполне ни своих богатств, ни своих сил и представляют себе первые большими, а вторые — меньшими, чем они есть в действительности, а так как это представление о своем богатстве — одна из главных причин бедности и так как доверие к настоящему заставляет пренебречь истинными средствами помощи для будущего, то уместно, чтобы люди не преувеличивали изобилие и пользу того, что у них имеется [36, с. 63].

Реконструкции всякой утопии, считает Ф. Аинса, должно сопутствовать переосмысление понятия об идентичности, в основе которой лежало чувство причастности к некоему общему достоянию (территории, истории, языку, религии, ритуалам и обычаям); обладать идентичностью

значило иметь страну, город, деревню или даже квартал, где поделенное между всеми пространство казалось идентичным — территория совпадала с границами государства, языка, религии, этноса, всего того, что символизировало собой “удостоверение личности”; ныне понятие идентичности все менее зависимо от локальных и национальных привязанностей, а признаки идентичности не являются больше синонимами гомогенности и не всегда отсылают к четко обозначенной территории [5, с. 199].

Э. Тоффлер указывает на “кризис самоидентификации” (как на наиболее распространенную из современных болезней); никогда раньше перед массой людей не стоял более сложный выбор из-за обилия и сложности возможностей нашего выбора; помогая нам идентифицировать зоны быстрого изменения, они также помогают нам идентифицировать — или изобрести — зоны стабильности, образцы относительного постоянства в непрерывном движении, уменьшают противоречия в стремлении человека управлять изменением [37, с. 310, 414].

Предпосылка успеха в современной игре, как указывает У. Бек, заключается в следующем: шансы игроков существенно зависят от их самоидентификации и нового толкования политики; кто цепляется за старые догмы, будет обойден, обманут; имеет смысл перевернуть марксистский принцип: не бытие определяет сознание, а сознание новой ситуации — космополитический взгляд — увеличивает шансы игроков во всемирно-политической метаигре; путь для изменения собственного

властного положения: надо изменить взгляд на мир: скептическое, реалистическое мировоззрение — и космополитическое [38, с. 23].

Как показывают результаты исследований Дж. А. Акерлофа и Р. И. Крэнтона идентичность является важным дополнением денежной компенсации работникам, которая сама по себе может оказаться одновременно и затратной, и неэффективной; в таком контексте самоидентификация и денежные стимулы становятся фактическими субститутами и замещают друг друга [39, с. 109, 113].

Ортодоксальные принципы организации бытия человеческого ярче всего запомнились казнями Сократа, Христа, Дж. Бруно. Г. Гегель утверждает, что ортодоксия непоколебима, пока ее проповедь связана с земными выгодами и вплетена в государство; этот интерес слишком могуч, чтобы так просто от него отказаться, и укоренился столь прочно, что люди не замечают его в целом; пока все это так, ортодоксальные учения будут располагать внушительными армиями, состоящими из лиц, повторяющих все подобно попугаям, и писак без высоких интересов и способности мыслить [40, с. 218].

Религиозная ортодоксия, считает Н. А. Бердяев, включает в себя сильный элемент религиозного материализма; ортодоксальные системы, выражающие организованный социальный коллектив, должны отрицать творчество или признавать его в очень поверхностном смысле, т. к. нельзя написать драму, роман, лирическое стихотворение, если нет конфликта, столкновения с нормой

и законом, нет “незаконной” любви, внутренних сомнений и противоречий, нет всего того, что представляется недопустимым с точки зрения “закона” установившегося типичного ортодоксального мнения [41, с. 77, 205].

Повторив метод староверов, указывает А. Дж. Тойнби, коммунистический режим СССР объявил себя единственной истинной марксистской ортодоксией [42, с. 51]. По существу, считает У. Бек, только критика национально-государственной ортодоксии и новые категории, берущие на вооружение новый космополитический взгляд, открывают новые шансы в мета-играх [38, с. 23].

Говоря о “кризисе”, П. Бурдые характеризует его как кризис ортодоксии, где быстрое размножение ереси есть прогресс в сторону научности социальной реальности через отказ от старой политической лексики или на сохранение ортодоксального видения через сохранение тех слов, которые являются часто эвфемизмами, предназначенными называть данный социальный мир; типичные стратегии конструирования нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый для исследователей социума смысл настоящего [43, с. 51, 197–198].

С. Московичи утверждает, что принципы ортодоксии доводятся до крайности анемическим меньшинством; но предпосылкой харизматической власти является дар убеждения, тогда как традиционная или легаль-

ная власть существует сама по себе, опираясь на безличные свойства; революционное движение требует соответствующей истины, т. к. “адепты” и “ученики” будут следовать за ним, лишь изменив свои мнения или чувства, поверив, что революция — не химера, но единственный выход из кризиса; различные слои общества имеют разные мнения о смысле “чудес”, о возможностях этих движений и об их ценности, а поэтому необходимо непрерывно влиять на чувства и мысли людской массы, чтобы достичь своих целей [44, с. 236, 318].

На уровне предприятий, утверждают Ричард Р. Нельсон, Сидней Дж. Уинтер, аксиома адаптивности лежит в фундаменте ортодоксальной теории производства; но эта теория игнорирует вопрос: какая связь между знаниями, которыми обладает одна фирма, знаниями других фирм и знаниями общества в целом, а коренной дефект этой теории — громоздкий аппарат [45, с. 60, 98, 164].

Неолитический парадокс, по мнению К. Леви-Стросса, состоит в том, что в неолите человек утверждает господство великих искусств цивилизации: гончарства, ткачества, земледелия и domestikации животных; сегодня никому и в голову не пришло бы объяснять эти огромные достижения неожиданной аккумуляцией серии случайных открытий, либо обнаруженных наблюдателем, пассивно регистрировавшим определенные природные явления [46, с. 123].

Чтобы объяснить общую природу прибыли, указывал К. Маркс, мы должны исходить из положения, что в среднем товары продают по их действительным стоимостям и прибыль

получается от продажи товаров по их стоимостям, то есть от продажи их пропорционально количеству воплощенного в них труда; если вы не можете объяснить прибыль так, вы вообще не можете ее объяснить; это кажется парадоксальным; но парадоксально и движение земли вокруг солнца, и что вода состоит из двух легко воспламеняющихся газов; научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает одну лишь обманчивую видимость вещей [47, с. 130–131].

По мнению К. Г. Юнга, парадокс является одной из наших величайших духовных ценностей, тогда как единство мнений (т. е. ортодоксия) есть признак слабости; только парадокс ведет к максимально верному пониманию полноты жизни, а отсутствие неясности и противоречий всегда односторонне и потому непригодно для выражения непостижимого; но при этом парадоксы опасны из-за необыкновенно огромного количества духовно слабых людей; пока парадокс остается неисследованным и допускается как привычная часть жизни, это относительно безвредно, но когда он предстает перед недостаточно развитым умом (всегда, как мы знаем, уверенным в себе) чтобы сделать парадоксальную природу некоторого принципа веры объектом напряженной умственной работы, тем более серьезной, чем она бесплоднее. От эпохи Просвещения, если уж мелочно размышляющий ум, который не может примириться ни с какими парадоксами, пробуждается, любые проповеди не могут его удержать. Тогда

возникает задача: поднять этот не развитый ум к высшему уровню и увеличить число людей, которые способны к охвату всех парадоксальных истин [3, с. 33].

Парадокс, утверждает Р. Мертон, это расхождение между видимым, всего лишь явной функцией, и действительным, включающим также латентные функции; необработанные, необъясненные данные кажутся парадоксальным только потому, что они противоречат допущению здравого смысла, которое гласит, что оценка всегда соответствует объективному положению дел; обнаружить парадоксальный образец (архетипический идеал), не поддающийся обнаружению при поверхностном наблюдении; это иллюстрирует основополагающую роль именно систематических эмпирических исследований в достижении неожиданных, парадоксальных и стратегических данных, которые влияют на возникновение или развитие теории; парадокс имеет фундаментальное значение, потому что даже такая преимущественно рациональная деятельность, как научное исследование, базируется, как правило, на нерациональных ценностях [48, с. 167, 375, 748].

С. Московичи указывает на парадоксальный эффект, когда временное прекращение действия правил и запретов становится своего рода условием их влиятельности и уважения к ним, и на парадоксальный разрыв между идеалом, утверждаемым наукой, и действительной работой ученого, что верно как по отношению к содержанию его теорий, так и по отношению к языку, который позволя-

ет ему интерпретировать все факты в любых областях [44, с. 93, 169].

П. Бурдьё изучает наиболее парадоксальные формы принадлежности, как, например, негативные или критические, которые обуславливаются прошлой принадлежностью со всеми ее союзами и амбивалентностями, связанными с тем, что было, где сопротивление может лишать независимости, а подчинение может приносить освобождение; таков парадокс доминируемых, выхода из которого нет; но отношение делегирования рискует скрыть суть отношения представительства и парадокс ситуации, где некая группа может существовать только посредством делегирования частному лицу (парадокс монополизации коллективной истины лежит в основе любого эффекта символического принуждения: я являюсь группой, т. е. коллективным принуждением, принуждением коллектива по отношению к каждому его члену, я — человек, ставший коллективом, и одновременно я тот, кто манипулирует группой от имени самой этой группы; я ссылаюсь на группу, которая разрешает мне осуществлять по отношению к ней принуждение) [43, с. 137, 229, 231, 244].

Ч. Миллс подчеркивает, что в непосредственно переживаемой нами ситуации заключен парадокс: факты применения новейших средств управления историческим процессом свидетельствуют о том, что люди не находятся во власти судьбы и теперь могут творить историю, но нелепость состоит в том, что другие факты показывают: в данный момент идеологии, предлагающие людям

надежду на управление историческим процессом, переживают в западных обществах упадок и крах, что означает разрушение надежд идеологии Просвещения на то, что разум и свобода станут господствующими, высшими силами человеческой истории (и это происходит на фоне интеллектуального и политического бездействия научного сообщества) [49, с. 203]. Как пример — парадоксальная картина общества в СССР, который получил иностранную иррациональную идеологию, чтобы использовать ее именно как движущую силу в проведении зилотской политики культурной его самодостаточности [42, с. 51].

Вместе с тем, чисто бинарные архетипы могут оказаться недостаточными для решения задач развития, если они будут использоваться в режиме “или, или” (исключения среднего). Выше упоминался принцип Аристотеля, где “нет иного изменения, кроме как в противоположное и промежуточное при этом противоположное как таковое не подвержено изменению”. Здесь будет уместно вспомнить мифологию прохождения Одиссеем пролива, где с одной стороны — Скилла, а с другой — Харибда. По существу, это фундаментальный бинарный архетип, который был для Одиссея и его команды непреодолим. Для выхода из такой ситуации их ортодоксальных знаний и парадоксального воображения оказалось недостаточно. Потребовался третий элемент (тернарность), которым оказалась Цирцея, раскрывшая Одиссею план спасения с минимумом потерь.

У. Бек применительно к задачам глобализации комментирует выход на границы бинарности таким образом: в исследованиях представителей culturaltheory гипотеза линейности и принцип “или – или”, лежащий в основе национально-государственной аксиоматики, заменяются гипотезой “не только, но и”: глобализация и регионализация, связь и фрагментация, централизация и децентрализация — вот те движущие силы, которые неотделимы друг от друга, как две стороны одной медали, где одновременно также происходит замена центрального понятия культурной глобализации понятием “глокализация” — совмещением базовых понятий “глобализация” и “локализация” [50, с. 45, 91].

По данным Е. Н. Горчаковой, тернарный характер структуры проявляется координированным синтезом содержания триады атрибутов в аттракторе системы и триады аспектов в функции элемента: метод сведения трех в одно и проявления троичности единого; в свою очередь, диалектические отношения, являются бинарными декомпозициями тринитарных отношений. По сути, это оригинальная попытка интегрировать два подхода, относящихся к теории управления — системный и процессный — в комплексное структурирование производственных систем, где концептуальность рассмотренной структуры достаточно тесно связана с идеальным видом отношений в системе, которые обеспечивают устойчивый способ логической связи ее элементов [51, с. 124].

Выводы и перспективы дальнейших исследований:

– перспективы социально-экономического развития Украины все теснее связываются с ее трансформацией в эффективного игрока на мировых рынках;

– выход на мировые рынки и реализация естественных конкурентных преимуществ Украины требует радикальных реформ системы государственного регулирования на основе инновационных механизмов, информатизации и т. п.;

– торможение реформ порождает перманентный кризис, каждый виток которого требует расширения и углубления реформационных мероприятий;

– при разработке стратегии реформ должен быть использован соответствующий международный и цивилизационный опыт реформирования социально-экономической сферы в условиях активного конкурентного рынка;

– одним из теоретико-методологических инструментов, расширяющих возможности стратегического планирования, являются принципы архетипики;

– использование принципов архетипики неизбежно будет смещать планы и программы от ортодоксальности (традиционализма) методов их разработки к парадоксальности (инновационности), т. е. к гармонизации “нового и старого”.

Перспективы дальнейших исследований располагаются в плоскости более обстоятельной междисциплинарности и разработке комплекса методических инструментов, бинарных и тернарных принципов анализа и синтеза данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кучма Л.* Украина — не Россия / Л. Кучма. — М.: Время, 2004. — 560 с.
2. *Кучма Л. Д.* Зламане десятиліття / Л. Кучма. — К.: Інформ. системи, 2010. — 559 с.
3. *Юнг К. Г.* Психология и алхимия / К. Г. Юнг; пер. с англ., лат. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2003. — 592 с.
4. *Юнг К. Г.* Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг; пер. А. А. Спектор. — М.: АСТ, Минск: Харвест, 2005. — 400 с.
5. *Аинса Ф.* Реконструкция утопии. Эссе / Ф. Аинса; пер. с франц. — М.: Наследие — Editions UNESCO, 1999. — 207 с.
6. *Марк М., Пирсон К.* Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / М. Марк, К. Пирсон; пер. с англ. — СПб.: Питер, 2005. — 336 с.
7. *Афонін Е., Мартинов А.* Архетип і соцієтальне: взаємодія і взаємовпливи / Е. Афонін, А. Мартинов // Публічне управління: теорія та практика: зб. наук. пр. Асоціації докторів наук з державного управління. — Х.: ДокНаукДержУпр. — Спец. вип. — June, 2013. — С. 193–200.
8. *Новаченко Т. В.* Архетипова парадигма керівника в державному управлінні: монографія / Т. В. Новаченко; за наук. ред. Е. А. Афоніна; НАДУ при Президентові України; Українське товариство сприяння соціальним інноваціям. — Ніжин-Київ: Видавець Лисенко М., 2013. — 320 с.
9. *Бен-Шахар Т.* Парадокс перфекционіста / Т. Бен-Шахар; пер. с англ. М. Табенкина. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 256 с.
10. *Юнг К. Г.* Синхронистичность: сборник / К. Г. Юнг; пер. с англ. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. — 320 с.
11. *Кенэ Ф.* Избранные экономические сочинения / Ф. Кенэ; пер. с франц. —

- М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. — 538 с.
12. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. — Т. 2. — Кн. II: Процесс обращения капитала / К. Маркс и Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 24. — М.: Госполитиздат, 1961. — С. 1–648.
 13. *Платон.* Государство // Платон: соч. в 3 т.; пер. с древнегреч. — Т. 3. — Ч. 1. — М.: Мысль, 1971. — С. 89–454.
 14. *Аристотель.* Метафизика / Аристотель: соч. в 4 т. — Т. 1; пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1976. — С. 63–368.
 15. *Аристотель.* Физика / Аристотель: соч. в 4 т. — Т. 3; пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1981. — С. 59–262.
 16. *Платон.* Парменид // Платон: соч. в 3 т.; пер. с древнегреч. — Т. 2. — М.: Мысль, 1970. — С. 401–478.
 17. *Макиавелли Н.* Государь: Сочинения / Н. Макиавелли. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. — 656 с.
 18. *Либих Ю.* Химия в приложении к земледелию и физиологии / Ю. Либих; пер. с нем. — М.; Л.: ОГИЗ-СЕЛЬХОЗГИЗ, 1036. — 407 с.
 19. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии / С. Сигеле; пер. с нем. — СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1896. — 156 с.
 20. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. — М.: Наука, 1991. — 120 с.
 21. *Ленин В. И.* Новые данные о развитии капитализма в земледелии / В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е. — Т. 27. — М.: Политиздат, 1969. — С. 129–227.
 22. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер; пер. с англ. — М.: ДиректмедиаПаблишинг, 2008. — 455 с.
 23. *Лукинов И. И.* Экономичні трансформації (наприкінці ХХ сторіччя) / І. І. Лукинов. — К.: ІН НАНУ, 1997. — 455 с.
 24. *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант: соч. в 6 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1964. — С. 69–756.
 25. *Гегель Г.* Наука логики: в 3 т. — Т. 1 / Г. Гегель; пер. с нем. — М.: Мысль, 1970. — 501 с.
 26. *Гегель Г.* Философия права / Г. Гегель; пер. с нем. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
 27. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант “Капитала”) // К. Маркс и Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — М.: Госполитиздат, 1968. — 559 с.
 28. *Аристотель.* Политика / Аристотель: соч. в 4 т. — Т. 4; пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1983. — С. 375–644.
 29. *Кант И.* Опыт некоторых рассуждений об оптимизме // И. Кант: соч. в 6 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1964. — С. 39–48.
 30. *Маркс К.* Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания / К. Маркс и Ф. Энгельс: соч. — 2-е изд. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 30–84.
 31. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. — Т. 1 / А. Маршалл; пер. с англ. Р. И. Столпера. — М.: Прогресс, 1983. — 415 с.
 32. *Макконнелл К. Р., Брю С. Л.* Экономикс: принципы, проблемы и политика; пер. с 14-го англ. изд. / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. — М.: ИНФРА-М, 2003. — XXXVI. — 972 с.
 33. *Мизес Л.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Л. Мизес; пер. с англ. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 295 с.
 34. *Акерлоф Дж.* Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важ-

- но для мирового капитализма / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер; пер. с англ. — М.: Юнайтед Пресс, 2010. — 273 с.
35. *Дао Дэ Цзин*. Книга пути и благодати / пер. с кит. Ян Хин-шуна. — М.: Эксмо, 2005. — 400 с.
 36. *Бэкон Ф.* Великое восстановление наук. Разделение наук / Ф. Бэкон: соч. в 2 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1971. — С. 58–269.
 37. *Тоффлер Э.* Шок будущего: пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М.: Изд-во АСТ, 2002. — 557, [3] с.
 38. *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек; пер. с нем. — М.: Прогресс-Традиция; Издат. дом “Территория будущего”, 2007. — 464 с.
 39. *Акерлоф Дж. А., Крэнтон Р. И.* Идентичность и экономика организаций / Дж. А. Акерлоф, Р. И. Крэнтон // Российский журнал менеджмента. — Т. 8. — № 2. — 2010. — С. 107–130.
 40. *Гегель Г.* Работы разных лет: в 2 т. — Т. 2 / Г. Гегель; пер. с нем. — М.: Мысль, 1973. — 630 с.
 41. *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — М.: Междунар. отношения, 1990. — 336 с.
 42. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории: сборник / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. — 3-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2006. — 592 с.
 43. *Бурдьё П.* Начала / П. Бурдьё; пер. с франц. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1994. — 288 с.
 44. *Московичи С.* Машина, творящая богов / С. Московичи; пер. с фр. — М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. — 560 с.
 45. *Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж.* Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер; пер. с англ. — М.: Дело, 2002. — 536 с.
 46. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / К. Леви-Стросс; пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. — М.: Республика, 1994. — 384 с.
 47. *Маркс К.* Заработная плата, цена и прибыль / К. Маркс и Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 16. — М.: Госполитиздат, 1960. — С. 101–155.
 48. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон; пер. с англ. — М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2006. — 880 с.
 49. *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение / Ч. Р. Миллс; пер. с англ. — М.: Издат. Дом NOTABENE, 2001. — 264 с.
 50. *Бек У.* Что такое глобализация? / У. Бек; пер. с нем. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
 51. *Горчакова Е. Н.* Концепция тернарной структуры, как методология систематизации процессов / Е. Н. Горчакова // Вісн. Донецьк. ун-ту. — Сер. В: Економіка і право. — Вип. 2. — 2007. — С. 123–129.